

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

ΠΑΤΡΩΝ, ΣΩΤΗΡ, ΕΥΕΡΓΕΤΗΣ... – ГРЕЧЕСКИЕ ЭПИТЕТЫ Л. ЛИЦИНИЯ ЛУКУЛЛА В ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ (К РЕКОНСТРУКЦИИ НАДПИСИ ИЗ ЭФЕСА)

© 2019 г.

В.В. Дементьева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

vv_dementieva@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2019

Анализируются эпитеты знаменитого римлянина Луция Лициния Лукулла в греческих надписях, где он упомянут в должности низшего магистрата/промагистрата (квестора или проквестора), а также в качестве носителя империя. Проводится сопоставление эпитетов Лукулла с эпитетами других римлян в эпиграфических памятниках I в. до н.э., предпринимается попытка выяснить контекст, от которого зависел выбор того или иного хвалебного существительного при воздании почестей. Проведенный анализ помогает определить предпочтительный вариант реконструкции утраченного эпитета в надписи из Эфеса с именем Л. Лукулла и указанием на его должность как ἀντιτάσις (проквестора), а именно – πάτρων.

Ключевые слова: греческие надписи, Луций Лициний Лукулл, эпитеты, квестор, проквестор, консул, проконсул.

Среди надписей с именем Луция Лициния Лукулла (а таковых обычно насчитывают 11, вдобавок предположительно к ним относят еще 2 надписи: *SEG I*, 153 из Дельф [1] и *SEG XXXV*, 929; *XXXIX*, 881 с острова Хиос, итого – 13) только одна не является фиксацией оказанных почестей – надпись из Мопсуестии, содержащая письма Суллы и самого Лукулла [2], остальные же – это те, в которых речь идет о почитании какой-либо общиной этого человека, или он упоминается в перечислении лиц, кому оказали почести. Следовательно, таких 12, включая хиосскую и дельфийскую надписи, возможно, относящиеся к Лукуллу, а также латинскую надпись с острова Делос (*CIL P*, 714 и др.), где обычно усматривают Л. Лукулла, но, как мы обосновывали, речь могла идти не о Луции Лукулле, а о его брате Марке [3]. Остальные надписи: две из Афин (*IG II²*, 4104; 4105), с острова Родос (*SIG³* 745), из Синнады (*IGRP* 4, 701; *MA-MA IV*, 52), Фиатиры (*CIL I. P.* 1305; *IGR IV*, 1191; *TAM V*, 2.918), Гипаты (*SIG³* 743), Эфеса [4], Андроса [5] и Клароса (*SEG XLIX*, 1508). Надписи с воздаянием почестей Л. Лукуллу нанесены были в основном на базы статуй. Из девяти надписей, отражающих оказание почестей и не вызывающих сомнений в том, что в них упомянут Л. Лициний Лукулл, в шести имеются соответствующие почетные эпитеты. Их нет в двух афинских¹ и в родосской (см. далее,

прим. 3) надписях; в последней рядом с его именем стоит название должности ἀντιτάσις, но никаких хвалебных наименований не добавлено, в отличие от следом отмеченных Луция Лициния Мурены и Авла Терренция Варрона, у которых эпитеты присовокуплены [6]².

Одна из отмеченных шести посвячительных надписей с эпитетами Л. Лициния Лукулла дошла до нас с утраченным (одним из двух) эпитетом. Второй эпитет – εὐεργέτης – сохранился. Это инскрипция из Эфеса, опубликованная довольно поздно, по сравнению с другими (публикации которых были осуществлены в основном в первой трети XX в.; позже нее из надписей, относимых к Л. Лукуллу, найдена и опубликована только одна – из Мопсуестии). Первая публикация надписи из Эфеса была осуществлена в 1980 г. [4, S. 369] (см. рис. 1. Первая публикация надписи из Эфеса.)

Как видим, публикаторы предпочли заполнить лакуну эпитетом πάτρων в аккузативе. То, что утрачен именно эпитет, а не какое-то другое слово, сомневаться не приходится: после обозначения должности обычно добавлялись эпитеты, тем более что после союза καὶ стоит опять-таки эпитет. Вопрос только в том, какой эпитет был указан первым в эфесской надписи. Вальтер Амелинг через девять лет после названной публикации, занимаясь изучением другого эпиграфического памятника, попутно

[Λεύκιον] Λικίνιον Λεύ[κολλον]
 [τὸν ἄ]ντιταμίαν[, πάτρωνα]
 [κ]αὶ εὐεργέτ[ην]

Рис. 1. Первая публикация надписи из Эфеса. (Die Inschriften von Ephesos Die Inschriften von Ephesos. Teil VI. / R. Merkelbach, J. Nollé (Hrsg.). (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 16). Bonn, 1980. P. 369. № 2941.)

Λ Ε Υ Κ Ι Ο Ν Λ Ι Κ Ι Ν Ι Ο Ν
 Λ Ε Υ Κ Ο Λ Λ Ο Ν Τ Ο Ν Ἀ Ν Τ Ι
 Σ Τ Η Ρ Α Κ Α Ι Ε Υ Ε Ρ Γ Ε Τ Η Ν Κ Α Ι Ἰ
 ὸ Τ Ο Υ Δ Η Μ Ο Υ Ἀ Ρ Ε Τ Η Σ Ἐ Ν Ε Κ Ε Ν Κ
 Ε Υ Ν Ο Ι Α Σ Τ Η Σ Ε Ι Σ Ἐ Α Υ Τ Ο Ν

Рис. 2. Надпись из Фиатиры. Прорисовка М.А. Клерка
 (Clerc M.A. Inscriptions de Thyatire et des environs // Bulletin de correspondance hellénique. 1886. Vol. 10. P. 399)

написал, что мыслимым (denkbar) являлось бы восстановление утраченного эпитета как σωτήρ в том же винительном падеже (σωτήρα) [7, S. 99, Anm. 11]. Данную реконструкцию в последнее десятилетие стали принимать во внимание [8, p. 134, n. 29; 9, p. 234]. Место, действительно, физически позволяет допустить оба варианта, но следует, как нам представляется, содержательно оценить, какой вариант является предпочтительным. С этой целью проанализируем сохранившиеся эпитеты Лукулла из других надписей, ситуацию, в которой находился объект почитания в период, когда была создана надпись; привлечем для сопоставления также сочетания эпитетов других лиц на соответствующем хронологическом отрезке. Такой анализ не только помогает собственно в реконструкции эфесской надписи, но и углубляет наше понимание нюансов воздаяния хвалы греками римлянам в начале I в. до н.э.

Надпись из Гипаты (ή Ὑπάτη или τὰ Ὑπάτα, Hypata) (SIG³ 743) [10, p. 423]:

τὸ κο]ινὸν τῶν Αἰνιάνω[ν Λεύκι]ον Λικίνιον Λευκίου [υἱὸν] Λεύκολλον ταμίαν εὐεργ[έτην].

Перевод: «Община энианов Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, квестора, благодетеля (почитает)». В этой надписи Лукулл – эвергет, т.е. благотворитель, благодетель.

Надпись из малоазийской Фиатиры (Θυάτειρα, Thyateira, Thyatira). Здесь есть некоторые проблемы с воссозданием текста похвалы Л. Лицинию. Надпись сохранилась не полностью, и в лакуне оказался как раз один из эпите-

тов Лукулла. Поскольку расхождение в реконструкции относится именно к эпитету, приведем прорисовку, выполненную Мишелем Арманом Клерком [11, p. 399] (см. рис. 2. Надпись из Фиатиры. Прорисовка М.А. Клерка).

Реконструкция текста, выполненная М.А. Клерком:

[Ὁ δῆμ]ο[ς ἐτείμησεν]
 Λεύκιον Λικίνιο[ν Λευκίου υἱὸν]
 Λεύκολλον τὸν ἀντι[ταμίαν]
 σ[ω]τήρα καὶ εὐεργέτην καὶ κ[τίστην]
 τοῦ δήμου, ἀρετῆς ἕνεκεν κ[αὶ]
 εὐνοίας τῆς εἰς ἑαυτόν.

Как видим, М.А. Клерк восстановил утраченный эпитет, начинавшийся на «κ», как κτίστης, т.е. основатель, восстановитель. В этой реконструкции перевод будет выглядеть так:

«Народ почтил Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора, спасителя и благодетеля, и восстановителя народа за доблесть и благосклонность к нему». То есть почести оказаны по причине доблести Лукулла и его благосклонности к народу («к нему» – имеется в виду к тому, кто почтил, т.е. к народу).

Луи Робер предложил иную реконструкцию последнего слова четвертой строки [12, p. 230]:

[Ὁ δῆμ]ο[ς ἐτείμησεν]
 Λεύκιον Λικίνιο[ν Λευκίου υἱὸν]
 Λεύκολλον τὸν ἀντι[ταμίαν]
 σ[ω]τήρα καὶ εὐεργέτην καὶ κ[ηδέμονα]
 τοῦ δήμου, ἀρετῆς ἕνεκεν κ[αὶ]
 εὐνοίας τῆς εἰς ἑαυτόν.

Κηδεμών – заботящийся о ком-либо, попечитель, опекун, защитник. В словаре Х. Мейсона отмечено, что греки передавали посредством этого существительного римские понятия *curator, tutor minorum, patronus* [13, p. 60–61]. В таком случае перевод приобретет следующий вид:

«Народ почтил Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора, спасителя и благодетеля, и защитника народа за доблесть и благосклонность к нему».

Надпись из Синнады (τὰ Σύνναδα, *Synnada*), территория Фригии, Малая Азия. Воспроизведем текст в реконструкции Уильяма Митчелла Рамсея [14, p. 298]:

[Λ]εύκιον [Λ]ικίνιον Λευκίου υἱὸν Λεύκολλον ἀντιταμίαν πατρῶνα καὶ εὐεργέτην.

Перевод:

«Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора, патрона и благодетеля (почитают)».

Использование эпитетов со значением «благодетель», «благотворитель» и «патрон» в надписях из Гипаты, Фиатиры и Синнады Маттиас Гельцер связывал с чеканкой Лукуллом монет (его наблюдением над этим процессом): в первом случае в Пелопоннесе, а во втором и третьем – в провинции Азия, отмечая, что монеты азиатской чеканки не известны [15, S. 377, 380] (о монетах Лукулла см. подробнее в монографии Жюля ван Оотехема [16, p. 23–24]).

Надпись с острова Андрос (Кикладский архипелаг) [5]:

Ὁ δῆμος Λεύκιον Λικίν[ιον] Λευκίου υἱὸν Λεύκο[λλον] αὐτοκράτορα, τὸν ἑαυτοῦ πατρῶ[να] καὶ εὐεργέτη[ν] ἀρετῆς ἕνεκα καὶ... τῆς εἰς ἐ[αὐτὸν].

Термином αὐτοκράτωρ (αὐτοκράτορ) греки обозначали имеющих «неограниченное право» должностных лиц, в отношении римлян республиканского времени – носителей империя. Поскольку в каждом отдельном случае нужно устанавливать, какого ранга носитель империя имелся в виду, мы предпочитаем в исследуемом контексте ограничиться в переводе этого слова его калькой на русский язык. Надпись датируется в диапазоне 74–67 гг. до н.э., когда Лукулл был облечен высшей властью и являлся командующим в Малой Азии (был и консулом, и проконсулом на указанном хронологическом отрезке).

Перевод:

«Народ Луция Лициния, сына Луция, автократора, своего патрона и благодетеля по причине доблести и... по отношению к нему (почтил)».

В отмеченной многоточием лакуне читается конечная часть слова γαθίας, предложено для его восстановления три варианта: [καλοκα]γαθίας, [φιλα]γαθίας, [ἀνδρα]γαθίας [17, p. 426]. Соответственно, при первом варианте реконструкции пе-

ревод – «добропорядочности (честности, благородства)», при втором – «добролюбия», при третьем – «храбрости (мужества)».

Надпись из Клароса (*SEG XLIX, 1508*), территории в области Колофона, ионийского города на западном берегу Малой Азии, в котором было святилище и оракул Аполлона. Надпись выполнена определенно на базе статуи:

Ὁ δῆμος Λεύκιον Λικίνιον Λευκίου υἱὸν Λεύκολλον αὐτοκράτορα, εὐεργέτην καὶ σωτήρα τῆς πόλεως γενόμενον, ἀνέθηκεν.

«Народ (статую) Луция Лициния, сына Луция, автократора, явившегося благодетелем и спасителем полиса, посвятил».

Надпись датируется 72–67 гг. до н.э., когда Л. Лукулл был наместником Азии, возможно, ее следует отнести к 70/71 г. до н.э.

Заметим, что издатели надписи в *Supplementum Epigraphicum Graecum* подчеркнули, что эпитетом εὐεργέτης и σωτήρ Лукулл, вероятно, был вознагражден из-за его предложения по облегчению долгов городов Азии, бремя которых они понесли в связи с огромными штрафами, наложенными Суллой (видимо, Колофон оказался на стороне Митридата).

Итак, в надписи из Гипаты, где Лукулл фигурирует в должности квестора, присутствует его эпитет εὐεργέτης; в надписи из Фиатиры, где он назван проквестором, – σωτήρ, εὐεργέτης и, вероятно, κηδεμών; в надписи из Синнады, в которой почести ему воздаются опять-таки в качестве проквестора, – πάτρων и εὐεργέτης; с теми же эпитетами – πάτρων и εὐεργέτης – он был назван в надписи с острова Андрос, когда находился в статусе, обозначенном как αὐτοκράτορ (т.е. был носителем империя); отмеченный в том же статусе в надписи из Клароса, он назван εὐεργέτης и σωτήρ полиса. Первое, что мы можем констатировать: от должностного положения использованные эпитеты, очевидным образом, не зависели. И в должности консула/проконсула, и в должности квестора/проквестора Л. Лукулл наделялся одинаковыми эпитетами, т.е. благодарили его одними и теми же словами, вне зависимости от того, высшую или низшую магистратуру/промагистратуру он занимал. Артур Кивени отмечал, что в надписях на статуях из Гипаты, Синнады и Фиатиры (времени его квестуры и проквестуры) Лукулл назван вариативно – благодетель, патрон и спаситель [18, p. 19], но мы добавим, что и в надписях времени его консулата и проконсулата он назван теми же самыми эпитетами и в подобных вариациях. Клаус Тухельт предлагал считать эпитеты надписей из Синнады и Фиатиры отражением культового почитания [19, S. 63, 105], но мы согласимся с

Гюнтером Шютцем [20, S. 78], что этим объяснить их наличие невозможно. Объяснять их присутствие следует его реальными делами политического и/или военного характера. Вероятнее всего, выбор того или иного эпитета зависел от конкретных действий, за которые выносились благодарности. При этом понятие «благодетель» (εὐεργέτης) могло быть как единственным эпитетом, так и присутствовать в сочетании εὐεργέτης – πάτρων и εὐεργέτης – σωτήρ. И к той, и к другой паре могло быть добавлено пояснение, что почести оказываются за доблесть, – это мы видим в надписях из Фиатир и Андроса (в последнем случае еще за какое-то аналогичное качество, вероятно – мужество). Там, где Лукулл обозначен только как эвергет, без второго эпитета, о доблести речи не идет. Добавим, что о ней не идет речи и в надписи с острова Родос, в которой у Лукулла эпитетов нет, а из других названных по именам лиц, Мурена и Варрон имеют эпитеты πρόξενος и εὐεργέτης, при этом заслуги всех перечисленных (а значит, также и Л. Лукулла) заключаются в «благоклонности» и «благодетельности» (*SIG³ 745*)³.

Таким образом, складывается впечатление, что πάτρων и σωτήρ применялись тогда, когда была проявлена именно «доблесть», а не просто «благоклонность» или «благодетельность». В противном случае ограничивались эпитетом εὐεργέτης или обходились вообще без эпитета – уже сам факт составления благодарственной надписи фиксировал восхваление лица (как это имеет место в надписях с именем Л. Лукулла из Афин). Вальтер Амелинг [7, S. 100, Anm. 18] полагает, что σωτήρ и πάτρων теснее связаны друг с другом (видимо, он имеет в виду, что они связаны по смыслу, а не по употреблению в эпитафических памятниках), чем εὐεργέτης и πάτρων, и отмечает, что позиция patronus приобреталась через конкретное beneficium (т.е. в ответ на вполне определенное благодеяние, милость, услугу). Антон фон Премерштейн и Кристиан Майер ранее акцентировали, что обозначение человека как σωτήρ предполагает всегда индивидуальный успех [21, S. 27; 22, S. 307], т.е. конкретное достижение этого человека, результат его личной деятельности. Греческое πάτρων было аналогом латинского patronus (покровитель, заступник, защитник) и использовалось в надписях, наряду с еще более близким термином, практически калькой – πατρόνης, в словосочетаниях πάτρων τῆς πατρίδος (*SIG³ 653*), πάτρων τῷ δήμῳ (*IGR 4, 968*) [см. подробнее: 13, р. 75]. У собственно же греческого слова σωτήρ (корень σώω, σώζω) основной смысл «спаситель, избавитель кого-либо от чего-либо»; ведь хорошо известно, что нередко это

понятие употреблялось как эпитет богов, преимущественно по отношению к Зевсу. Видимо, при включении эпитета σωτήρ в надпись за ним стояло не рядовое благодеяние (т.е. не просто благие дела в рамках должностных обязанностей лица), а экстраординарная помощь. Исследователи, изучая время раннего Принципатата, давно заметили [21, S. 15; 23, р. 12–13], что πάτρων обычно встречается в эпитафике в сочетании не с σωτήρ, а с εὐεργέτης (корень ἐργυ), термин, означавший «благодетель», «благодетель» и – шире – вообще оказавший какую-либо услугу (в основном, имелась в виду услуга государству). В. Амелинг добавляет к этому наблюдению, что εὐεργέτης встречается в связке с πάτρων в таком количестве, что «выборочное собрание примеров здесь излишне», тогда как для комбинации σωτήρ и πάτρων имеется лишь «очень немного подтверждений», к тому же там, где это сочетание встречается, эпитеты не ограничиваются данными двумя, а к ним добавляются εὐεργέτης и κτίστης (σωτήρ καὶ εὐεργέτης καὶ πάτρων καὶ κτίστης) [7, S. 100, Anm. 18]. В. Амелинг делает из этого вывод, что понятия εὐεργέτης и πάτρων сочетаются часто, потому как, хотя они и являются аналогичными (ähnliche), «редко имеют идентичные коннотации». Мы бы сказали, что применение εὐεργέτης отличается не просто коннотациями и оттенками от πάτρων, а основным смысловым пластом, ибо εὐεργέτης – «благодетель» в самом широком значении, без такого гораздо более конкретного содержательного наполнения, как «защитник» в сложной, даже бедственной ситуации. Мануэль Трестер считает, что эпитеты εὐεργέτης и σωτήρ – «по существу декоративные названия» (имеется в виду – неформальные титулы, служившие украшением), полученные от эллинистической традиции, а πάτρων, «в отличие от них, по всей видимости, подразумевает формальный запрос со стороны граждан, чтобы установить узы покровительства» [8, р. 133–134]. По поводу того, подразумевал ли эпитет πάτρων всегда наличие соответствующей правовой позиции (либо же юридический запрос на таковую), имеется дискуссия [24, р. 105–119; 9, р. 23–32], но в любом случае, πάτρων – термин не столь размытый в содержательном наполнении, как εὐεργέτης; и то, что, по нашему наблюдению, он обычно ставился перед ним, а не после него, свидетельствует скорее в пользу более определенного и даже, вполне возможно, очерченного формальными рамками статуса, который за ним стоял. Клод Эйлерс, относя возникновение патроната греческих общин со стороны римских должностных лиц к первому десятилетию I в. н.э. и насчитывая в период между возвра-

щением Суллы в Рим и битвой при Акции пятьдесят индивидуальных патронов греческих городов [9, p. 145–146], полагает, что Л. Лициний Лукулл был официальным патроном Синнады, Андроса и, вероятно, Эфеса [9, p. 145, 208, 234, 254]. Патронат Лукулла в отношении Андроса мог быть, по мнению К. Эйлерса, установлен еще в период пребывания его в должности проквестора, а не тогда, когда он носил титул *imperator*, т.е. в 73 или 72 г. до н.э. [9, p. 208].

Вернемся теперь к надписи из Эфеса. Для того чтобы согласиться с предложенным В. Амелингом восстановлением утраченного эпитета Л. Лукулла как *σωτήρ*, нужно попытаться подтвердить какое-то «спасение» им жителей этого малоазиатского города. Иначе говоря, следует выяснить, служит ли исторический контекст аргументом в пользу точки зрения В. Амелинга.

Что мы знаем о нахождении Л. Лукулла в Эфесе? Там он был, но сведения о его пребывании относятся у Плутарха к событиям Третьей Митридатовой войны (74–63 гг.). Плутарх (*Luc.* 23.1–2) сообщает о том, что, устроившись в Эфесе, он заботился о развлечениях его жителей⁴. Сама по себе эта информация все-таки скорее не в пользу эпитета *σωτήρ*, а в пользу эпитета *πάτριων*. Но самое главное, даже если в период Третьей Митридатовой войны Л. Лукулл и заслужил от жителей Эфеса почетного наименования «спаситель», то к надписи это никакого отношения не имеет, т.к. она содержит название его должности – *ἀντιπαίσις*, т.е. она сделана тогда, когда он был проквестором, следовательно, до 83/82 г. до н.э. В событиях же Первой Митридатовой войны (89–85 гг. до н.э.) мы можем проследить отношение Лукулла не конкретно к Эфесу, но в целом к малоазиатским городам, присоединившимся к Митридату. Эфес был в их числе, хотя город пытался выйти из-под власти понтийского царя, когда в нем было совершено убийство полководца Митридата Зенобия (App. *Mithr.* 48), но Митридат сурово покарал его жителей, однако, опасаясь худшего, по свидетельству Аппиана, пошел на уступки. Победа Суллы над Митридатом вернула город под власть римлян, и, так же как на другие города Малой Азии, поддержавшие Митридата, Сулла наложил на Эфес разорительный денежный штраф. Плутарх называет размер штрафа на малоазиатские города – 20 тыс. талантов (*Plut. Luc.* 4). Собирать эти деньги было поручено Л. Лукуллу, который проявил себя при этом как человек *οὐ μόνον καθαρὸν καὶ δίκαιον ἀλλὰ καὶ πρῶτον* – «не только беспорочный и справедливый, но и милостивый» (*Plut. Luc.* 4. 8–9). Но даже и здесь, на наш

взгляд, он себя проявил скорее как *πάτριων*, чем как *σωτήρ*, хотя, разумеется, возможны варианты оценки его деятельности со стороны эфесцев. Следовательно, исторический контекст в интересующем нас отношении не является надежным аргументом. Поэтому аргументы приходится искать непосредственно в словоупотреблении греческих надписей.

Исследователи уже обращали внимание на то, что почитание Лукула, тем более в тот период, когда он был лишь низшим магистратом/промагистратом, являлось из ряда вон выходящим, такое благоволение выпало только на его долю [20, S. 78]. Г. Шютц даже отмечал, что эпитета *κτίστης*, вообще редко применявшегося, никакой другой проквестор не имел в сохранившихся надписях, им был вознагражден только Л. Лукулл. Здесь, конечно, следует уточнить, что все же реконструкция Л. Робера надписи из Фиатиры, где М. Клерком восстанавливалось существительное *κτίστης*, представляется более приемлемой, а в ней фигурирует, как было отмечено, другое понятие – *κηδεμών* (заметим попутно, что данное наблюдение Г. Шютца может служить дополнительным аргументом в пользу заполнения лакуны Л. Робером). Но весьма показательным является тот факт, что о деяниях проквестора Лукулла помнили долго, о чем свидетельствует обновление указанной надписи из Фиатиры: до нас дошла, собственно, копия, сделанная уже во второй половине II в. н.э. [19, S. 245; 7, S. 99, Anm. 11; 20, S. 78]. Г. Шютц подчеркивает, что известная параллель такого сохранения памяти о благодеяниях должностного лица – обновление записи воздаяния почестей проконсулу времен Августа [20, S. 78].

Сами же эпитеты, которые прилагались в инскрипциях к Л. Лукуллу, для греческих почетных надписей в общем и целом не представляют чего-то исключительного, – они применялись и к другим римским политикам и полководцам. Если мы обратимся к эпиграфическим памятникам I в. до н.э. (преимущественно 90–60-х гг. до н.э.), то увидим набор тех же существительных с хвалебным смыслом. Они могут быть использованы как по одному, например *πάτριων* по отношению к Гаю и Луцию Валериям Флаккам (*SEG XLIX*, 1506, 1507, 1510: *πάτριων τῆς πόλεως*), к Марку Эмилию Скавру (*ILS* 8775); *εὐεργέτης* по отношению к сыну Суллы Фавсту (*ILS* 8778), так и в парных сочетаниях: *εὐεργέτης* и *πάτριων* (*IGR IV*, 1192 – к Луцию Корнелию Лентулле; *SEG XLIX*, 1509 – к Гнею Помпею), к Помпею же в сочетании *σωτήρ* и *κτίστης* (*ILS* 8776), *σωτήρ* и *εὐεργέτης* к Луцию Лицинию Мурене (Tuchelt 1979, 153),

Публию Сервилию (*ILS* 8779), а также в более широком наборе – *εὐεργέτης, πάτρων, σωτήρ* (*ILS* 8780 – Марк Кокцей Нерва). Но *σωτήρ* в них обычно подчеркивается *ἀρετῆς ἕνεκεν*, либо даже указываются конкретные заслуги. При *πάτρων* же может ставиться *εὐνοίας*, т.е. при указании на причину почести речь идет для патрона далеко не всегда о доблести (хотя и о ней может идти), а о благосклонности. Благосклонность же – понятие более широкое, оно не предполагает каких-то напряженных усилий, сконцентрированных в определенном месте и определенное время, как это предполагает доблесть спасителя.

Проведенный анализ позволяет считать, что в лакуне на месте эпитета в надписи из Эфеса предложение В. Амелинга о заполнении ее словом *σωτήρ* представляется менее приемлемым, чем словом *πάτρων*. Отсутствие в надписи указаний на такую причину ее составления, как доблесть почитаемого, а также уточняющих суть его деяний выражений, наличие в связке с утраченным эпитетом сохранившегося *εὐεργέτης*, т.е. хвалебного существительного с самым широким (и самым неопределенным) содержанием, которое чаще всего и ставилось после *πάτρων*, – все это заставляет признать более обоснованной реконструкцию инскрипции из Эфеса о проквесторе Луции Лицинии Лукулле, предложенную издателями надписи Райнхольдом Меркельбахом и Иоаннесом Нолле.

Примечания

1. *IG* II², 4104: Ὁ δῆμος κ[αὶ ἡ βουλὴ ἢ] ἐξ Ἀρείου πάγου Λεύκ[ι]ον Λικίνιον Λευκίου υἱὸν [Λ]εύκολλο[v]. «Демос и совет с холма Ареса (т.е. ареопаг. – В.Д.) Луция Лициния, сына Луция, Лукулла (почитают)».

IG II², 4105: Ὁ δῆμος [Λεύ]κιο[v] Λικίνιον [Λε]υκίου [υἱ]ὸν Λεύκολλ[ων]. «Демос Луция Лициния, сына Луция, Лукулла (почитают)».

2. Надпись из Эфеса мы в указанной статье не рассматривали.

3. [– – *πρεσβεύσαντα* – –] καὶ [ποτὶ] Λεύκιον Κορνήλιον Λευκίου [υἱ]ὸν [Σύλλαν], |

στραταγὸν ἀνθύπατον Ῥωμαίων, | καὶ ποτὶ Λεύκιον Κορνήλιον Λευκίου υἱὸν Λέντελον ἀνθύπατον | καὶ ποτὶ Λεύκιον Λικίνιον Λευκίου υἱὸν Μουρήν[αν] | ἱμπεράτορα, πρόξενον καὶ εὐεργέτην τοῦ δά[μου], καὶ ποτὶ Λεύκιον Λικίνιον Λευκίου υἱὸν Λεύκολλ[ων] | ἀντιτάμιαν, | καὶ ποτὶ Αὐλον Τερέντιον Αὐλοῦ υἱὸν Οὐάρρων[α] | *πρεσβευτὰν Ῥωμαίων*, | πρόξενον καὶ εὐεργέταν τοῦ δάμου, | Διονύσιος Λυσανία | *εὐνοίας ἕνεκα καὶ εὐεργεσίας* | τὰς εἰς αὐτὸν | θεοῖς.

[Πλ.]ούταρχο[ς] Ἡλιοδώρου Ῥόδιος ἐποίησε.

Перевод:

«[– – посланного – –] и кроме того Луция Корнелия, сына Луция, Суллу, полководца, римского проконсула, и Луция Корнелия, сына Луция, Лентуллы, проконсула, и Луция Лициния, сына Луция, Му-

рену, императора, заступника и благодетеля народа, и Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора, и Авла Теренция, сына Авла, Варрона, римского легата, заступника и благодетеля народа, Дионисий Люсания за благосклонность и благодеяния, богам (их статуи посвящает).

Плутарх Родосский, (сын) Гелиодора, выполнил».

4. Λεύκολλος δ' τὴν Ἀσίαν πολλῆς μὴν εὐνομίας, πολλῆς δ' εἰρήνης ἐμπεπληκώς, οὐδ' τῶν πρὸς ἡδονὴν καὶ χάριν ἡμέλησεν, ἀλλὰ πομπαῖς καὶ πανηγύρεσιν ἐπινικίοις καὶ ἀγῶσιν ἀθλητῶν καὶ μονομάχων ἐν Ἐφέσῳ καθήμενος ἐδημαγῶγει τὰς πόλεις. αἱ δ' ἀμειβόμεναι Λευκόλλεα τ' ἦγον ἐπὶ τιμῇ τοῦ ἀνδρός, καὶ τῆς τιμῆς ἡδύονα τὴν ἀληθινὴν εὐνοίαν αὐτῷ παρεῖχον. («Тем временем Лукулл, в полной мере одарив провинцию Азию правосудием и миром, не пренебрег и тем, что служит к веселью и удовольствию. Остановившись в Эфесе, он старался угодить городам победными шествиями и празднествами, состязаниями атлетов и гладиаторов. Со своей стороны, города отвечали ему учреждением в его честь Лукулловых игр и той искренней преданностью, которая дороже всяких почестей». Пер. С.С. Аверинцева.)

Список сокращений

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.
IG – Inscriptiones Graecae.
IGRP – Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes.
ILS – Inscriptiones Latinae Selectae.
MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
RE – Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / A. Pauly, G. Wissowa (Hrsg.).
SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum.
SIG – Sylloge Inscriptionum Graecarum.
TAM – Tituli Asiae Minoris.

Список литературы

1. Дементьева В.В. Надпись из Дельф (SEG. I. 153): квестор – Луций Лициний Лукулл? // Ирессиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV: Сб. науч. тр. к 50-летию профессора Н.Н. Болгова / Е.В. Литовченко, С.Н. Прокопенко, Е.А. Семичева (ред. кол.). Белгород, 2015. С. 119–125.

2. Saylor M., Siewert P., Taeuber H. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis – und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien) // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 9. S. 113–130.

3. Дементьева В.В. Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла: Луций или Марк? // ПИФК. 2013. № 4. С. 54–62.

4. Die Inschriften von Ephesos. Die Inschriften von Ephesos. Teil VI / R. Merkelbach, J. Nollé (Hrsg.). (In-schriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 16). Bonn, 1980. S. 369. № 2941.

5. Pélékidis Chr. *Ἀνέκδοτοι ἐπιγραφαὶ ἐξ Ἄνδρου καὶ Νάξου*. Athen, 1969. I. P. 3–9.

6. Дементьева В.В. Греческие надписи о квестуре и проквестуре Л. Лициния Лукулла // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 14–19.

7. Ameling W. Lucius Licinius in Chios // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1989. Bd. 77. S. 98–100.
8. Tröster M. Themes, Character and Politics in Plutarch's Life of Lucullus. The Construction of a Roman Aristocrat. Stuttgart, 2008. 206 p.
9. Eilers C. Roman Patrons of Greek cities. Oxford, 2002. xiii, 334 p.
10. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 2. G. Dittenberger (Hrsg.). Lipsiae, 1917. P. 423. № 743.
11. Clerc M.A. Inscriptions de Thyatire et des environs // Bulletin de correspondance hellénique. 1886. Vol. 10. P. 398–423.
12. Robert L. Opera minora selecta // Epigraphie et antiquités Grecques. T. IV. Amsterdam, 1974. 403 p.
13. Mason H. J. Greek Terms from Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. xxiii, 207 p.
14. Ramsay W.M. Unedited Inscriptions of Asia Minor // Bulletin de correspondance hellénique. 1883. Vol. 7. P. 297–328.
15. Gelzer M.L. Licinius Lucullus // RE. XIII. 1926. Sp. 376–384.
16. Ooteghem van. J. Lucius Licinius Lucullus. Brussels, 1959. 231 p.
17. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. 1970. 488 p.
18. Keaveney A. Lucullus. A Life. London and New York, 1992. x, 275 p.
19. Tuchelt K. Frühe Denkmäler Roms in Kleinasien. Beiträge zur archäologischen Überlieferung aus der Zeit der Republik und des Augustus. Teil I: Roma und Promagistrate. Tübingen, 1979. 249 S.
20. Schütz G.L. Licinius Lucullus. Studien zu den frühen Jahren eines Nobilis (117–75 v. Chr.). Regensburg, 1994. xvi, 149 S.
21. Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Principats. München, 1937. xii, 290 S.
22. Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik. 2. Aufl. Frankfurt, 1980. viii, 332 S.
23. Bowersock G. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. xii, 176 p.
24. Ferrary J.L. The Hellenistic World and Roman Political Patronage // Hellenistic Constructs: Essays in Culture, History, and Historiography. P. Cartedegé, P. Garnsey, E. Gruen (eds.). Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 105–119.

**ΠΑΤΡΩΝ, ΣΩΤΗΡ, ΕΥΕΡΓΕΤΗΣ... – GREEK EPITHETS
OF LUCIUS LICINIUS LUCULLUS IN THE EPIGRAPHIC MONUMENTS
(REGARDING EPHEBUS INSCRIPTION RECONSTRUCTION)**

V.V. Dementyeva

In this article, we analyze some epithets of Lucius Licinius Lucullus, a famous Roman, in Greek inscriptions, where he is mentioned as the lower magistrate/promagistrate (quaestor or proquaestor), and also as an imperium bearer. Lucullus's epithets are compared with epithets of other Romans in epigraphic monuments of the 1st century BC. The author tries to find out the context that determined the choice of laudatory nouns for tributes of honor. Our analysis helps to define the preferred reconstruction option of the lost epithet in the Ephesus inscription with the name of Lucullus and mentioning his post as ἀντιπαύλας (proquaestor), namely – πάτρων.

Keywords: Greek inscriptions, Lucius Licinius Lucullus, epithets, quaestorship, proquaestorship, consulship, proconsulship.

References

1. Dement'eva V.V. Nadpis' iz Delf' (SEG. I. 153): kvestor – Lucij Licinij Lukull? // Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie. Vyp. IV: Sb. nauch. tr. k 50-letiyu profesora N.N. Bolgova / E.V. Litovchenko, S.N. Prokopenko, E.A. Semicheva (red. kol.). Belgorod, 2015. S. 119–125.
2. Sayar M., Siewert P., Taeuber H. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis – und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien) // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 9. S. 113–130.
3. Dement'eva V.V. Deloskaya latinskaya nadpis' o prokvesture Lukulla: Lucij ili Mark? // PIFK. 2013. № 4. S. 54–62.
4. Die Inschriften von Ephesos. Die Inschriften von Ephesos. Teil VI / R. Merkelbach, J. Nollé (Hrsg.). (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 16). Bonn, 1980. S. 369. № 2941.
5. Pélékidis Chr. Ανέκδοτοι ἐπιγραφαὶ ἐξ Ἄνδρου καὶ Νάξου. Athen, 1969. 1. P. 3–9.
6. Dement'eva V.V. Grecheskie nadpisi o kvesture i prokvesture L. Liciniya Lukulla // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. 2013. № 4. S. 14–19.
7. Ameling W. Lucius Licinius in Chios // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1989. Bd. 77. P. 98–100.
8. Tröster M. Themes, Character and Politics in Plutarch's Life of Lucullus. The Construction of a Roman Aristocrat. Stuttgart, 2008. 206 p.
9. Eilers C. Roman Patrons of Greek cities. Oxford, 2002. xiii, 334 p.
10. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 2. G. Dittenberger (Hrsg.). Lipsiae, 1917. P. 423. № 743.
11. Clerc M.A. Inscriptions de Thyatire et des environs // Bulletin de correspondance hellénique. 1886. Vol. 10. P. 398–423.
12. Robert L. Opera minora selecta // Epigraphie et antiquités Grecques. T. IV. Amsterdam, 1974. 403 p.
13. Mason H. J. Greek Terms from Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. xxiii, 207 p.
14. Ramsay W.M. Unedited Inscriptions of Asia Minor // Bulletin de correspondance hellénique. 1883. Vol. 7. P. 297–328.

15. Gelzer M.L. Licinius Lucullus // RE. XIII. 1926. Sp. 376–384.
16. Ooteghem van. J. Lucius Licinius Lucullus. Brussels, 1959. 231 p.
17. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. 1970. 488 p.
18. Keaveney A. Lucullus. A Life. London and New York, 1992. x, 275 p.
19. Tuchelt K. Frühe Denkmäler Roms in Kleinasien. Beiträge zur archäologischen Überlieferung aus der Zeit der Republik und des Augustus. Teil I: Roma und Promagistrate. Tübingen, 1979. 249 S.
20. Schütz G.L. Licinius Lucullus. Studien zu den frühen Jahren eines Nobilis (117–75 v. Chr.). Regensburg, 1994. xvi, 149 S.
21. Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Principats. München, 1937. xii, 290 S.
22. Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik. 2. Aufl. Frankfurt, 1980. viii, 332 S.
23. Bowersock G. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. xii, 176 p.
24. Ferrary J.L. The Hellenistic World and Roman Political Patronage // Hellenistic Constructs: Essays in Culture, History, and Historiography. P. Cartedegge, P. Garnsey, E. Gruen (eds.). Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 105–119.